

ТАТАРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В РОССИЙСКО-АЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Гибадуллина Эльза Маратовна

к.и.н., доцент, БФ ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тумирясова»
gibelza@yandex.ru

TATAR MERCHANTS IN THE RUSSIAN- ASIAN TRADE IN THE NORTH-WEST OF THE KAZAKH STEPPE IN THE LAST QUARTER OF THE XVIII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

E. Gibadullina

Summary: Peaceful expansion played a special role in the Russian-British confrontation for economic influence in the khanates of Central Asia, in which the Tatar merchants, mobilized by the Russian authorities for the development of Russian-Asian trade relations, distinguished themselves. Under the conditions of the protectionism of the Russian government, the Tatar merchants were able to take a leading position among the Russian merchants in two directions of the Russian-Asian caravan trade with Central Asia and traveling-exchange in the Kazakh steppe, becoming a link between manufacturing and the consumer market of Russia and Central Asia, the subsistence economy of nomads.

Keywords: peaceful expansion, Tatar merchants, caravan trade, transit-caravan trade, traveling-barter trade, manufactory production, consumer market, subsistence economy.

Аннотация: В российско-британском противостоянии за экономическое влияние в ханствах Средней Азии особую роль играла мирная экспансия. В условиях протекционизма российского правительства, татарское купечество смогло занять лидирующие позиции на двух направлениях российско-азиатской торговли – караванной со Средней Азией и разъездно-меновая в Казахской степи, став связующим звеном между мануфактурным производством и потребительским рынком России и Средней Азии, натуральным хозяйством кочевников.

Ключевые слова: мирная экспансия, татарское купечество, караванная торговля, транзитно-караванная торговля, разъездно-меновая торговля, мануфактурное производство, потребительский рынок, натуральное хозяйство.

Участие татарского купечества в российско-азиатской торговле в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. осуществлялось в контексте геополитических, социально-экономических процессов, происходивших в Российской империи.

Принятие ханом Младшего жуза Абулхаиром в 1731 г. российского подданства [21, с.386] стало началом распространения российской власти на территорию Казахской степи, через которую пролегал путь в ханства Средней Азии, где обострилось российско-британское соперничество за экономическое доминирование, приведшее в первые десятилетия XIX в. к началу Большой игры.

В сложившихся условиях особую роль приобрела экономическая экспансия России в Средней Азии – мирный способ распространения влияния в регионе, основанный на торговых отношениях. Обороты российско-азиатской торговли были менее значительны, чем торговля с европейскими государствами, но восточные рынки имели особое значение для российской экономи-

ки: здесь закупалось сырье для мануфактур и сбывались отечественные хлопчатобумажные и металлические изделия, в отличие от Западной Европы, куда Россия поставляла преимущественно сырье и полуфабрикаты [39, с.65-66].

Российско-азиатская торговля в указанный период представляла собой обмен товарными потоками из России, Средней Азии и, ставшей в силу своего географического положения буферной зоной между ними, Казахской степи. Примечательно, что торговые караваны в указанный период были почти единственным средством коммуникации между Россией и Средней Азией.

На северо-западе Казахской степи караванная торговля велась через таможи Оренбургской пограничной линии; с 1824 г. Оренбургский таможенный округ контролировал участок пограничной линии от города Гурьева до крепости Звериноголовской, протяженность которого составляла 1800 верст [40, с.262].

Караваны из Средней Азии отправлялись к россий-

ским пограничным линиям весной; самые большие из них состояли из 2000-2500 верблюдов, средние из 300-1000 верблюдов [46, с.387]. По мере распространения российской власти на юго-востоке активизировалось участие российского купечества в подобной торговле. С караванами купцы пересылали свои письма и извещения о положении торговых дел, ценах на товары. Торговыми караванами пользовались российские пограничные власти и бухарские и хивинское правительства во взаимных отношениях, отправляя через купцов необходимые запросы и послания, так как постоянных отношений между Россией и ханствами не существовало [47, с.22-23].

Из Средней Азии в Россию торговцы привозили хлопко-сырец, хлопчатобумажную пряжу, хлопчатобумажные изделия, меха.

Список товаров, разрешенных к вывозу в Среднюю Азию, нашел отражение в указе от 23 декабря 1798 г. «О разрешении выпуска от порта Астраханского и через таможи Кизлярскую, Моздокскую, Оренбургскую и Троицкую иностранной монеты, железа, меди, олова и всякого рода хлеба» [31, с.488]; в ханства также вывозили шелковые, бумажные, полотняные и шерстяные изделия, кожи юфтевые, сандал, сахар, чай, сундуки, зеркала, посуду, стекло, воск, табак, деревянную посуду [11, ЛЛ. 37-43]. Вывоз из России металлов не в деле объяснялся тем, что в Средней Азии были развиты производство земледельческих орудий, а российские ткани конкурировали на азиатских рынках с изделиями местного производства [39, с.190].

Для развития российско-азиатской торговли со второй трети XVIII в. правительство привлекло татар, имевших развитую торговую традицию, опыт ведения коммерческой деятельности со странами Востока, принадлежавших, подобно некоторым азиатским народам, к алтайской языковой семье, исповедовавших ислам, интегрированных в социально-экономическое пространство Российской империи, подчинявшихся единым юридическим нормам.

Так, для более интенсивного развития российской экономики требовалось расширение социальной базы торговцев, снижение налогового бремени, что нашло отражение в манифесте от 17 марта 1775 г. «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою», по которому объявлялось об отмене сборов с купцов и цеховых сверх сорокаалтынного оклада, с железных, медеплавильных и других заводов, фабричных станов, кожевенных, овчинных, мыльных промыслов, объявлено о праве вступления в купеческие гильдии крестьян [26, с.82-86]; данное право было подтверждено в 1777 г. [27, с. 538-539].

В соответствии с «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (Жалованной грамоты городам) от 21 апреля 1785 г. купечество было распределено на три гильдии, и, в зависимости от этого, обладало определенными полномочиями, обязанностями и привилегиями [28, с. 358-384].

В 80-х гг. XVIII в. происходит унификация прав и обязанностей татарских торговых, ясачных крестьян, которые по сенатскому указу от 30 сентября 1785 г. «О поступлении Казанской казенной палаты со всеми записавшимися в купечество и мещанство из государственных поселен на основании Городового Положения, а с поселенными из отставных воинских людей по распоряжениям Сената, учиненным в 1784 и 1785 годах» [30, с.458]; согласно «Городового положения» от 21 апреля 1785 г. они должны были записываться в купеческие гильдии чтобы обладать всеми правами данного сословия, а мещане и крестьяне из числа татар, подобно другим подданным империи, могли вести торговлю на городских ярмарках и базарах [29, с. 358-384.].

Сенатский указ от 31 января 1821 г. «О распространении положения о торгующих крестьянах на казанских служилых татар, состоящих в окладе казенных поселен» [35, с.576-577] установил, что они больше не имели права заниматься торговлей без взятия торговых свидетельств, установленных для крестьян; вместе с тем, за ними сохранялось право «объявлять капитал и записываться в купечество и мещанство на законном основании».

Известный русский этнограф, историк, экономист П. Небольсин отмечал, что в российско-азиатской торговле оптовые торговцы «редко оживляли своим присутствием среднеазиатские базары», а доверяли свои товары приказчикам – казанским татарам и ростовцам [7, с.18-19], от активности, находчивости, опыта ведения торговых дел которых зависел коммерческий успех купечества.

В XVIII в. формируется корпус нормативных документов, регулировавших отношения между купцами и приказчиками. Так, по именному указу от 14 мая 1723 г. приказчики могли торговать от имени хозяина, вести торговые счета с другими купцами, но ответственность за них несли купцы [20, с.65]. Указ от 14 марта 1744 г. гласил, что приказчикам доверители должны выдавать кредитные письма со всеми необходимыми сведениями, причем доверитель нес полную ответственность за действия приказчика [23, с.46]. Из именного указа от 11 октября 1755 г. видно, что всем российским купцам, ведущим заграничный торг, и их приказчикам в случае выезда за границу положено было получать паспорта по месту проживания вместе с аттестатом, подтверждающим, что они «люди состояния доброго, в дома свои возвратятся,

за границу не останутся» [24, с. 445]. В соответствии с Таможенным уставом 1755 г. приказчик должен был предоставить отчет по всем совершенным сделкам, кредитам, потраченным и заработанным денежным средствам купцу в течение 1 года, по истечении которого никакие его жалобы на своего хозяина в судах не принимались и не рассматривались [25, с.468].

Более подробно права и обязанности приказчиков были сформулированы в высочайше утвержденном 12 ноября 1799 г. Уставе цехов, где, например, отмечалось, что приказчик, повредивший ему поверенное, должен был заплатить за то хозяину безоговорочно, «промотавший хозяйское» – заплатить за убытки и понести уголовное наказание и др. [32, с. 884-885]. В действительности, если, например, приказчик взял с собой в караван купеческого товара на 1000 руб. и вернулся весной с азиатским товаром на 1500 руб., то владелец товара был удовлетворен, а приказчик освобождался от финансовых отчетов. И это было не столько проявлением большого доверия со стороны купца, сколько невозможностью «ни справиться о судьбе товара, ни сосчитать доходы» [7, с. 18-19].

Кредитные письма выглядели примерно следующим образом: «Явил кредитное письмо ... служилый торговый татарин шелковой и бумажной фабрики фабрикант и содержатель Абдрешит Ибраев, по которому вверяет в торгах... приказчикам ... служилым татарам Аипу Алметеву, Надиру Алметеву полную власть на год Казанского, Нижегородского, Уфимского, Пермского наместничеств, Оренбургской области на ярмонках, где может товары продавать и менять, расписываться, да на вырученные деньги вновь товары покупать и на его Абдрешита имя вексели брать (подписи)» [1, с. 479].

Оренбургская Пограничная комиссия имела право выдавать паспорта купцам и их приказчикам, направлявшимся в составе караванов в Среднюю Азию через Казахскую степь. Из «Ведомости об отправляющихся в Бухарию российских купцах, приказчиках и рабочих их 1787 года» [9, ЛЛ. 293 об.–298] видно, что торговыми делами со Средней Азией занимались исключительно татары.

В фондах Объединенного государственного архива Оренбургской области отложились дела, позволяющие утверждать, что на рубеже XVIII-XIX вв. образовалась группа татарских торговцев, неоднократно обращавшихся в таможенных за получением паспортов для поездки с товарами в Бухару на 8 месяцев. Это купец А. Утямышев, приказчик Б. Назаров [10, ЛЛ.2-4], 1-й гильдии купец М. Утямышев и его работники Г. Якупов, И.Исхаков, крестьяне А. Назаров, С. Хамидуллин, касимовский первой гильдии купец Х. Шакулов, его приказчик И. Кутуев и работник – мурза С. Чанышев; екатеринбургский купец

Г. Лазарев ходатайствовал о выдаче паспорта для своего приказчика – служилого татарина М. Амирова, екатеринбургский 1-й гильдии купец Е. Рязанов – о снабжении паспортами его работников С. Сейфуллина и Х. Абубакирова [13, ЛЛ. 125, 132-137], казанский купец 2-ой гильдии Н.Апаков и его приказчик М. Азетов [18 Л.92 об].

В таможенных ведомостях упоминаются казанские татары, торговые татары, «фабриканты» М. Смайлов, А. Ибраев, Р. Мухаметев, М. Исмаилов, С. Бурнаев, А. Утямышев, Н. Баязитов, С. Назиров, Мус и Мунасып Максютковы, В. Муслюмов, Х. Сеитов, С. Юсупов, Г. Мусин, Н. Усманов, Г. Абдулов, А. Апсаямов, вятский «торговый татарин и фабрикант» М. Максютков, сеитовские первой гильдии купцы Г. Мухаметрахимов, М. Магадеев, Р. Абдрашитов, Б. Ишимов [1, с.484].

Русские купцы, заключив устный договор, отправляли в Бухару с товаром татар–мусульман. Это происходило потому, что с купцов – христиан, прибывающих, например, Хиву или Коканд, при въезде и выезде с товаров брали двойную пошлину, в Бухаре – четверную. Если часть товаров в прошествии полугода оставалась нераспроданной, то с них вновь взималась пошлина. В данной ситуации оказалась востребованной посредническая деятельность татар: прибыв в ханства Средней Азии, они платили всего 2,5% от стоимости привезенного товара, как это было принято среди мусульман [47, с.22, 23].

Директор Оренбургской таможни П.Е. Величко в своем рапорте от 3 марта 1808 г. отмечал, что «в Бухарию ныне ходят для торговли из российских подданных одни татары, коим и настоящие российские купцыверяют свои товары».

В начале XIX в. в торговой среде появилось понятие «бухар юртуци» – так стали называть казанских татар, выезжавших в Среднюю Азию и торговавших в России восточными товарами. Об объемах их оборотов можно судить по объявленной стоимости товаров: так, в 1805 г. в Троицкой таможне челябинский купец 1 гильдии И. Ахматов заявил о товаре на сумму 61 410 руб., челябинский купец М. Монасыпов – на сумму 103 743 руб. Возвратившись из Бухары, И. Ахматов заявил о товаре на 101 366 руб., малмыжский купец А. Утямышев – на 123 592 руб. серебром [19, Л.137].

В 3 Отделении Таможенного устава по Азиатской торговле 1817 г. [34, с.337], содержались правила, позволяющие получить представление об организации караванной торговли.

Караваны прибывали на российские заставы, где служители описывали количество верблюдов, подвод, указывали место выхода каравана, караванного начальника, купцов, приказчиков, тюки с товарами, которые

запечатывались на связке или с обеих сторон тюка. По прибытии каравана от заставы в таможеню, пакгаузный надзиратель и член таможи сверяли число тюков с их списком в билете и проверяли целостность печатей.

При выпуске за границу российских купцов или приказчиков таможня следила за тем, чтобы торговцы имели паспорта от губернских начальств, не исключая из сего правила и «всякого названия российских татар» [34, с.337].

Российское правительство пыталось обезопасить торговцев от ограбления в пути [12, Л.1], поддержать пострадавших. Так, например, в 1807 г. сыновья казанского купца Г. Шихмуратова, убитого киргиз-кайсками, были освобождены от податей на 20 лет [4, с.304-305]. В 1819 г. Пограничная комиссия «изыскала средства и удовлетворения» претензии ограбленного в степи казанского купца М. Адамова [14, Л.2, 7, ЛЛ.2-4; 15, ЛЛ.2-4].

Во второй половине XVIII в. в Казанской и Вятской губерниях сформировалась группа татар, владевших мануфактурами, организовавших производство кумача, пестряди, пользовавшихся спросом из-за дешевой цены, а из яловочных, конских, бараньих и козьих кож изготовляли красные и желтые сафьяны, юфть [36, Л.77 об.-91; 37, Л.8 об.- 20; 38, Л.3 об.-4]. Сырые кожи привозили в Казань из близлежащих городов, Оренбургской губернии, Сибири [4, с. 283]. Готовая продукция поступала на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, Оренбургскую и Сибирскую линии, в Кяхту, в казахские аулы, Западный Китай. В 1812 г. татарских заводов в Казанской губернии было 45 из 129, т.е. 35%. Из общего числа рабочих – 4823 чел. на татарских заводах было занято 1509 человек или 31,4% [4, с.283].

Как видно, коммерческая активность татар в российско-азиатской торговле была неслучайна: от ее результативности в значительной степени зависели важные этапы процесса мануфактурного производства – обеспечение ресурсами, реализация готовой продукции.

Купцы 1-й гильдии имели преимущественное право ведения заграничной торговли, в своем стремлении содействовать развитию которой на восточном направлении российское правительство пошло на нестандартные решения: с 1824 г. купцам 2-ой и 3-й гильдий, так же как и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов, был дозволен заграничный азиатский торг на правах купцов 1-й гильдии, но без предоставления их личных прав [18, Л.53].

Данная льгота «в видах оживления азиатской торговли» была подтверждена указом от 7 декабря 1852 г., продлена до 5 февраля 1857 г., но при условии, что за 6 месяцев до окончания означенной льготы купцам 3

гильдии и крестьянам, торговавшим по свидетельствам 3 рода дозволялось только привозить товары в азиатские области, а не отправлять туда для продажи из России [33, с.754].

Подобный протекционизм правительства был оценен татарским купечеством как карт-бланш и вызвал оживление коммерческой деятельности. Через Гурьевскую таможенную заставу неоднократно выезжали в Среднюю Азию приказчик уральского 2-ой гильдии купца Л. Мизинова арский 3-ей гильдии купец М. Мухамедов, через Троицкую таможеню – сын троицкого 3-ей гильдии купца Х. Нигматуллин, приказчик троицкого 3-ей гильдии купца И. Юрина А. Абдулвагапов, а также Г. Баязитов – приказчик арского 1-ой гильдии купца М. Усманова [11, с.754]. Через Троицкую таможеню – купец 2 гильдии Абдулвагап Абулталипов, а также купцы 3 гильдии Б. Сайфульмулюков, И. Искандеров, Х. Нигматуллин, М. Гатауллин, мещане А. Абдулатипов, А. Абишев, Ф. Альмухаметов, Х. Юсупов, Г. Салимов, А. Абдуллин, А.Абдулгазизов и др. [16, ЛЛ.43 об.-44].

С 1834 по 1838 гг. через Илецкую таможенную заставу выехали в ханства приказчики уральского 2-ой гильдии купца Л. Мизинова Г. Абдулгафаров, сеитовские купцы 3-ей гильдии Д. Каримов и Х. Абубакиров, приказчик оренбургского 3-ей гильдии купца М. Деева Х. Рафиков [19, ЛЛ.45 об.-47 об., 137, 150 об.].

Анализируя состояние российско-азиатской торговли, современники отмечали, что в 50-е гг. XIX в. русские торговцы совершенно перестали ездить в Бухару и Хиву, так как с них брали высокую пошлину, подвергали их поборам и притеснениям. Российские торговцы – христиане вели торговлю с ханствами через комиссионеров – магометан, казанских татар и киргизов Зауральной орды. Единственной возможностью оказать влияние на азиатское правительство было задержание на линии торговых караванов и арест их купцов [47, с.22, 31].

Движение торговых караванов сообразовывалось со временем перекочевок киргизов с юга на север и обратно с севера на юг. По пути следования в Среднюю Азию и обратно караваны часто сворачивали с маршрута движения в аулы киргиз-кайсаков и вели там транзитную торговлю, поэтому количество караванов, стоимость товаров невозможно было определить даже приблизительно [5, с.36-37]. Не случайно еще в указе от 29 ноября 1753 г. «О сборе пошлин при Оренбурге и Троицкой крепости» отмечалось, что товары, привезенные купцами и торговыми татарами, должны были находиться для торга назначенных местах, запрещалось вести торговлю вне менового двора, выезжая в степь [22, с.408].

Слабость административного контроля на окраинах российского государства, позволяла некоторым из них

даже не доходить до таможенной линии, поскольку все товары были реализованы в пределах российских киргизских степей [47, с.31]. В ходе подобной торговли завязывались новые знакомства, устанавливались деловые связи.

Рынки ханств Средней Азии и Казахской степи были различны. Основой натурального хозяйства киргизкайсаков являлось кочевое скотоводство, этому способствовали природно-географические особенности региона, поэтому Казахская степь стала поставщиком в Россию скота и рынком сбыта российского хлеба и готовых мануфактурных изделий. В порядке удельного веса в Казахской степи сбывались: хлопчатобумажные ткани, на втором месте стояли кожи, на третьем – хлеб, затем следовало сукно и металлические изделия [39, с.190-191, 195].

Среди выезжающих в степь преобладали представители средней и мелкой буржуазии Оренбургской и Казанской губерний, ставшие посредниками между производителями сырья и представителями обрабатывающей промышленности [41, с.81]. Приказчики татарских купцов кочевали вместе с казахскими аулами и разъезжали по степи, обменивая на российские товары у киргизкайсаков сырые шкуры, мерлушки, верблюжью шерсть, козий пух, сайгачьи рога, армячное полотно, дешевые ковры, конскую сбрую, живой скот [3, ЛЛ. 37-43].

Из Ведомости 1818 - 1829 гг. по Оренбургскому таможенному округу о выменянном у казахов скоте видно, что стоимость вывезенных из степи баранов, быков, лошадей, козлов, ягнят, соли в 1819 г. составляла 316254 руб., в 1820 г. – 243298 руб., в 1821 г. – 180766 руб., в 1822 г. – 163919 руб., в 1823 г. – 163786 руб., в 1824 г. – 196200 руб., в 1825 г. – 179267 руб., в 1826 г. – 232484 руб., в 1827 г. – 206040 руб. [43, ЛЛ.47-68; 44, ЛЛ. лл.47-68; 45, лл. 8, 48 об., 78, 79 об.].

В конце 1820-1830-х гг. меновой торг в степи вела группа торговцев из Казанской губернии – это арские 1 гильдии купец М. Усманов, 2 гильдии купец М. Хозясеитов, К. Бурнаев, Ю. Арсаев, Таиров, 3 гильдии купеческий брат А. Амиров, 3 гильдии купеческие сыновья М. Адамов и М. Мухаметов; казанские 2 гильдии купцы И. Апаков, Ю. Арсаев, Ю. Ахмеров [19, ЛЛ.67 – 93].

В торговле через Орскую заставу отличился арский купец М. Хозясеитов, который в 1834 г. выезжал в степь 8 раз, в 1835 г. 10 раз. В 1844 г. из Орской крепости в степь для торговли выехало в июне 1844 г. 12 татар и башкир из Оренбургской губернии, 1 из Саратовской и 1 из Вятской губерний, остальные коммерсанты были из Казанской губернии, а всего 49 торговцев [43, ЛЛ.40-43].

Из-за отсутствия у скотоводов-кочевников денежных

отношений, эквивалентом в меновых операциях были бараны. Так, арский 3-й гильдии купеческий сын М. Мухаметов в марте 1836 г. привез на Гурьевскую таможенную заставу 10 пудов юфти на сумму 230 руб. [6, с. 273].

В 1832-1833 гг. через Калмыковскую заставу прошли в Казахскую степь с целью меновой торговли приказчик казанского купца 2-ой гильдии Ю. Арсланова казанский татарин Г. Халитов, приказчики уральского 2-ой гильдии купца Л. Мизинова казанский мещанин С. Амиров и татарин И. Рахимов, приказчик оренбургского 3-ей гильдии купца Е. Кандалова казанский татарин Г. Усманов и др., астраханский татарин М. Мархалиев, саратовский купец 3 гильдии – мурза С. Мазитов, приказчики купца 2-й гильдии Лариона Мизинова (г. Уральск) казанский мещанин Габайдулла Абдулгафаров и крестьянин Симбирской губернии Исхак Ямаев [19, Л.99 об., 100 об., 109 об., 137, 150 об.].

Татары Илецка, которые были преимущественно выходцами из Казанской, Саратовской и Оренбургской губерний [2, Л.1], также преуспели в меновой торговле; так, например, только казанский татарин Х. Мавлюкаев в 1841 г. пригнал из кочевий на илецкий базар 250 баранов, собранных за долги [17, Л.64].

В начале 40-х гг. XIX в. Оренбургская Пограничная комиссия отмечала, что киргиз-кайсаки, кочующие вдали от Оренбургской линии, фактически не испытывали потребности в российских товарах и не стали бы приезжать на Оренбургскую линию для торговли, так как «потребности их быта слишком ограничены и они легко могут быть удовлетворены покупкой товаров у бухарцев и хивинцев». Российские купцы, выезжая в казахские аулы, создавали кочевникам возможность «лучше знакомиться с цивилизованным обществом», запрещение торговцам разъезжать по степи могло привести к тому, что бухарцы и хивинцы будут продавать свои товары, не встречая никакой конкуренции.

Примечателен тот факт, что группа оренбургских купцов была обеспокоена тем, что «торговля в степи все более и более переходит в руки хивинцев и татар». Предлагалось выезды в степь для мены с киргизами прекратить, чтобы с 1 апреля до 1 ноября торговля производилась только на меновых дворах Оренбурга и Троицка [18, Л. л.58-59 об.].

Однако, министерство финансов, получив данное сообщение от Оренбургской пограничной комиссии, согласовав решение вопроса с МВД, объявило указанное предложение «неосновательным домогательством нескольких купцов» и указало, что в случае запрета отправки товаров в азиатские страны и в Казахскую степь с татарами, его придется распространить и на купцов 1 гильдии, на Сибирскую линию, в результате чего рус-

ские купцы останутся без приказчиков, что затруднит их торговлю. Поэтому было объявлено об участии в азиатской торговле всех российских торговцев, без различия вероисповедания, рекомендовано вверять товары татарам – людям опытным и благонадежным, так как «после того, как наше купечество стало выезжать в степь, сбыт российских товаров еще более увеличился, что было очень полезно для развития нашей промышленности» [18, лл.36-40].

Если импорт товаров из ханств превышал русский экспорт, то превышение казахского импорта над русским экспортом было незначительным. Уже в 30-х годах XIX в. кашгарские и среднеазиатские бумажные ткани и одежда, сшитые из них, вытесняются русскими ситцами вследствие дешевизны последних [8, с. 21]. Из данных о меновой торговле в Казахской степи по Оренбургской губернии видно, что ввоз товаров в 1846 г. составил 647868 руб. 44 коп., а в 1847 г. – 749769 руб. 60 коп.; вывоз товаров в 1846 г. составил 469694 руб. 44 коп., а в 1847 г. – 490299 руб. 64 коп. [5, с.40].

В развитии российско-азиатской торговли заметную

играло татарское купечество. Показательно распределение мусульманских торговцев к середине XIX в. в губерниях Волго-Уральского региона: в Вятской – 123 (0,6%), в Тобольской – 87 (9%), в Пензенской губернии – 189 (11,6%), в Самарской – 608 (12%), в Казанской – 762 (34%), в Оренбургской – 1752 (57%). Как видно, более половины татарских торговцев размещалось в Оренбургской губернии [42, с. 40].

К середине XIX века на северо-западе Казахской степи татарское купечество лидировало среди российского купечества в караванной торговле с ханствами Средней Азии, предполагавшей по пути транзитно-караванную торговлю с киргиз-кайсаками, и в меновой торговле в Казахской степи. Пользуясь поддержкой российского правительства, татарское купечество и их доверенные лица – приказчики, работники овладели абсолютным большинством среди коммерсантов на данном направлении внешней торговли России и успешно выполняли возложенную на них государством миссию – стали связующим звеном между мануфактурным производством и потребительским рынком России и Средней Азии, натуральным хозяйством Казахской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилязов И., Зиннатов Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен. Том.5. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI-XVIII вв.). Казань, 2014. 1032 с.
2. Государственное казённое учреждение Республики Башкортостан Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ГКУ РБ ЦИА РБ). ГКУ РБ ЦИА РБ. Ф. 295. Оп.4. Д.8715.
3. Ерменбаева Г.К. Меновая торговля казахов Оренбургского ведомства в первой половине XIX века // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2004. №1(32). 377 с.
4. История Татарии в материалах и документах. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 503 с.
5. Колмогоров Г.В. О промыслах и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1850. 41 с.
6. Кореева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в последней XVIII – первой половине XIX в. Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2019. 400 с.
7. Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. 375 с.
8. Обзор Семиреченской области за 1889 г. Верный: Тип. Семиреч. Обл. правления, 1890. 83 с.
9. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). ОГАОО. Ф.5. Оп.1. Д.21.
10. ОГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.479.
11. ОГАОО. Ф.6. Оп.8. Д.13.
12. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.266.
13. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.1973.
14. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.1999.
15. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.2247.
16. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.3938.
17. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4737.
18. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.5558.
19. ОГАОО. Ф.339. Оп.1. Д.29.
20. ПСЗРИ. Собр. I. Том 7. № 4224. 922 с.
21. ПСЗРИ. Собр. I. Т.8. № 5704. 1014.
22. ПСЗРИ. Собр. I. Т.10. № 7511. 995 с.
23. ПСЗРИ. Собр. I. Т.12. № 8896. 960 с.
24. ПСЗРИ. Собр. I. Т.14. № 10474. 863 с.

25. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 14. №10486. 863 с.
26. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 20. №14275. 1034 с.
27. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 20. №14632. 1034 с.
28. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 22. №16187. 1158 с.
29. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 22. №16188. 1158 с.
30. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 22. №16269. 1158 с.
31. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 25. №18792. 931 с.
32. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 25. №19187. 931 с.
33. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27. № 26842. 1120 с.
34. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 34. № 26894. 956 с.
35. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 37. №28535. 981 с.
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 4. Л. 77.
37. РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 21.
38. РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 25.
39. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Москве, 1949. 392 с.
40. Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752-1868 гг. Оренбург: ОГПУ, 2007. 312 с.
41. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-начало XX вв.). Уфа: РУНМЦ Госкомнауки Республики Башкортостан, 2001. 258 с.
42. Хабутдинов А. Ю. Бухарское образовательное влияние на татарскую элиту в XVIII-XIX вв. / Хабутдинов А. Ю. Минарет. 2007. № 2-3.
43. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 377.
44. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1437.
45. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1606.
46. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа: Тип-я Оренбургского губернского правления, 1859. 472 с.
47. Юдин М. Л. Положение торговли с среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск IX. Оренбург: Губернская типолитография, 1902. 208 с.

© Гибадуллина Эльза Маратовна (gibelza@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»